

A painting depicting a young boy in a dark coat standing in a desolate, post-apocalyptic landscape. He is looking out from between two dark, dilapidated structures towards a vast, flat, and barren plain under a hazy, orange-tinted sky. A small, bright red dog stands beside him, looking in the same direction. The ground is covered in debris and sparse, dry vegetation. The overall mood is somber and contemplative.

Матвей Пеликанов

ВЕДЬМА ЗА ГАРАЖАМИ

Матвей Пеликанов

Ведьма за гаражами

«Автор»

2026

Пеликанов М.

Ведьма за гаражами / М. Пеликанов — «Автор», 2026

У каждого двора есть место, куда детям запрещают ходить. Для Фрола это пустырь за гаражами, где доживают свой век развалины прошлой эпохи, где вдалеке проносятся серебряные поезда - а теперь там ещё и поселилась ведьма. Никто толком не знает, кто она и что она делает с животными, которых забирает к себе. И Фролу предстоит разведать её тайну, когда тому, кого он любит, так нужна помощь.

© Пеликанов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ведьма за гаражами	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Матвей Пеликанов

Ведьма за гаражами

Ведьма за гаражами

Она проковыляла по мокрому осеннему скверу, волоча за собой целлофановые мешки с картонками, тряпками и ещё какой-то дрянью, свернула во двор и присела на скамейку. И собака была с ней, вся всклокоченная, маленькая и сердитая, с блестящими чёрными глазами – она свернулась у ног старухи клубком грязно-серого меха. Взрослые, спеша по домам после работы, подозрительно косились на них. Мы с Гариком и Тоби поначалу держались поодаль, но любопытство вело нас всё ближе и ближе. Тоби, пригнувшись и виляя хвостом, подошёл почти к самой скамейке, и собачка вдруг вскочила и низко, сипло залаяла, а Тоби вместо того, чтобы залаять в ответ, поджал хвост и прижался к моим ногам. Старуха что-то прохрипела и начала с трудом подниматься со скамейки, и тогда мы развернулись и помчались домой.

Уже из окна я видел, как она собирает свои мешки и плетётся по двору, на дальний его край, и потом в узкий проход, ведущий за гаражи. Хорошо, что она ушла, сказала мама, тоже выглянув в окно, не хватало ещё, чтобы она тут поселилась. Но она поселилась – поселилась за гаражами.

Мама говорила: Фрол, не ходи за гаражи, там порядочным людям делать нечего! – ну и вообще, чего там за гаражами такого интересного? Только грязь и пустырь до самой железной дороги. И порядочные взрослые люди туда и не ходили, но нас с Гариком, конечно же, с невероятной силой тянуло за гаражи. Мы были ещё мелковаты, чтобы с полным правом сидеть по вечерам у бочек с горящим мусором и курить дешёвые сигареты, или под свист и ободряющие крики драться до первой крови на пыльном пустыре. Но и без этого нам было, чем заняться за гаражами – мы искали редкие сокровища среди мусора и хлама в развалинах, прыгали с крыши на крышу или просто сидели на нагретом солнцем рубероиде и глазели на проносящиеся за пустырём серебряные поезда. И мы всё-таки были достаточно взрослыми, чтобы старшие почти не гоняли нас.

Так что вечером, когда я выводил Тоби на прогулку, Гарик тоже спускался из соседнего подъезда, и сначала мы степенно гуляли по двору, а потом, улучив момент, сворачивали в узкий проход, петляли по замусоренному лабиринту среди заброшенных гаражей, понемногу превращающихся в руины, переходили по доске вонючий ручей и оказывались на той стороне, за гаражами. Мама ругалась, когда замечала, что мы опять ходили туда, но я говорил, что Тоби нужно побегать, а во дворе ведь толком и не побегаешь.

Я действительно спускал Тоби с поводка, и он носился вокруг, пока мы шли налево вдоль гаражей, туда, где Тушкан и его пацаны собирались вокруг бочки с горящим мусором. Одни сидели на скамейках, сколоченных из досок, другие на старых ящиках, а кто-то и просто на брёвнах. В облезлом плюшевом кресле восседал сам Тушкан – с висящими щеками и оттопыренными ушами, широкий и грузный в своей вечной синей олимпийке. И нас вряд ли подпустили бы близко к мусорному костру, если бы не Тоби. Завидев рыжий завиток хвоста с белым кончиком и услышав звонкий лай, Тушкан расплывался в улыбке и даже привставал с кресла, чтобы потрепать подбежавшего Тоби по загривку. Тушкан относился к Тоби с необычной нежностью, и тень этой нежности, падающая на нас – Э, Фрола не тронь! – служила нам пропуском в мир старших, то есть за гаражи и налево.

Пришествие ведьмы могло бы остаться незамеченным – ну, поселилась вонючая старуха где-то за гаражами, и что с того? Только на следующий вечер, когда мы с Тоби и Гариком про-

брались через руины на ту сторону, перешли вонючий ручей и свернули налево, мы почти сразу наткнулись на её логово. Она ещё только строила – нагромодила картонок, натянула между развалинами гаражей какие-то облезлые верёвки и развешивала на них тряпки, целлофан и обрывки рубероида. Ведьма неуклюже ворочалась, сопела, ковыляла и не замечала нас, пока вдруг не налетел порыв ветра, и тогда она замерла, принялась и повернулась к нам. Лицо её было покрыто родинками и бородавками, на нём не было бровей, и глаза были красные, то есть даже не глаза, а какие-то распухшие ямы. Она захрипела и закашлялась, из груды мусора с глухим рычанием выползла её собака, и мы попятились, а потом бросились со всех ног, и Тоби бежал впереди, поджав хвост.

– Она слепая, точно, слепая, – говорил потом Гарик у мусорного костра, – у неё глаз нет, она нас по запаху учуяла.

– Значит, ведьма, – веско отвечал Тушкан. – Ведьма, сто пудов.

И никто не сомневался, никто не ухмылялся и не толкал соседа локтем. Всем, кто собрался вокруг бочки с горящим мусором, было ясно, что за гаражами поселилась ведьма. Чуть позже я и сам видел, как она вскрытой банкой тушёнки приманивала старого пыльного коричневого пса, который жил в соседнем дворе столько, сколько я себя помню. Про себя я называл его Стариком – он уже не лаял, только кашлял, у него был наполовину обрубленный хвост, он подволакивал задние лапы, а ведьма что-то бормотала, и пёс послушно ковылял за ней по двору и за гаражи, и с тех пор больше никто не видел Старика. А Гарик рассказывал, что один раз она несла в руках окровавленного голубя, и словно бы обнюхивала его, и тоже что-то бормотала, и потом ещё подобрала сбитого машиной рыжего кота. И другие пацаны, собравшиеся вокруг мусорного костра, тоже видели, как она уводит или уносит к себе в логово животных и птиц, всегда старых, больных или раненных.

– Конечно, куда ей здоровых-то догнать! – говорил Тушкан, развалившись в кресле и выпуская сигаретный дым из ноздрей. – А там она их ест. Точняк, ест, вы хоть раз видели, чтобы они обратно выходили? Нет? Вот то-то! Ведьма, сто пудов, ведьма. Сжечь бы её!

Днём ведьма выбиралась во дворы, шарилась у помоек в поисках картона и тряпок или тащилась в сквер. Там она сидела на лавке, а собака сворачивалась у ведьминых ног. Ведьма доставала мотки пряжи, серой и грязной, как шерсть её собаки, и принималась вязать. У неё через плечо висела шерстяная сумка, и она вязала эту сумку, только сумка никак не менялась, просто грязная серая пряжа куда-то девалась – я смотрел за этим издали, так, чтобы ведьма меня не заметила. А потом, когда солнце начинало клониться к закату, она снова ковыляла за гаражи. Её собака семенила впереди и, завидев уличных псов или кошек, глухо рычала и сипло лаяла, и кошки стремглав убегали, а уличные псы поджимали хвосты и пятились.

И поэтому мы стали сворачивать за гаражами направо и делать крюк по пустырю, чтобы она не унюхала нас, и чтобы самим не унюхать её логово. Оттуда пахло чем-то вроде прогорклого масла или, если подойти ближе, гнилой тряпкой, которую на неделю оставили рядом с раковиной, и с каждым днём запах становился всё сильнее. Тоби, почуяв этот запах, сердито чихал и тряс головой, и мы делали крюк по пустырю, обходя стороной её жилище, построенное из картона, целлофана и рубероида. А добравшись до скамеек, ящиков и брёвен, составленных вокруг мусорного костра, мы слушали, как старшие рассказывают истории про ведьму, одна страшнее другой, а завершались все истории одним и тем же – сжечь бы её!

А потом Тоби заболел. Он почти ничего не ел и весь день лежал на своей лежанке рядом с батареей, но даже там он всё время дрожал и иногда тихонько скулил. Я хотел отвести его в ветеринарку, я нашёл в справочнике номер и позвонил туда, но никто не снял трубку. А когда я дошёл до того дома, где раньше была ветеринарка, оказалось, что двери и окна заколочены. Все уезжали, и ветеринар тоже уехал, а другого ветеринара в нашем городе не нашлось. Так

что я делал всё, что мог: покупал для Тоби самые вкусные консервы на отложенные карманные деньги и сам варил курицу, чтобы он полакомился. Но Тоби, чтобы не расстроить меня, едва пробовал еду, а потом снова ложился рядом с батареей, дрожал и поскуливал.

Когда мы выходили во двор, Тоби больше не бежал впереди меня и не лаял весело и звонко, гордо неся рыжий завиток хвоста с белым кончиком. Он едва плёлся за мной, и мы, сделав пару кругов по двору, возвращались домой. И поэтому я больше не ходил за гаражи, а Гарик всё-таки ходил, чтобы посидеть у горячей бочки с Тушканом и его парнями. Гарик говорил, что Тушкан переживал за Тоби и неприлично ругался на ведьму – он считал, что она сглазила Тоби, и что пора уже наконец сжечь её.

Я стал спускать Тоби с поводка прямо у подъезда, надеясь, что он побегаёт, поиграет с кем-то из уличных псов и немного развеселится, но он всё равно просто плёлся за мной пару кругов по двору, а потом сам шёл к подъезду, и мы уходили домой, а Гарик отправлялся за гаражи. Я ужасно боялся, что Тоби умрёт, и поэтому, когда я ложился спать, я молился, вернее, пытался договориться с кем-то наверху, чтобы Тоби не умирал. Я просил забрать у меня годы жизни и отдать их Тоби, чтобы он ни за что не умер раньше меня. Наверное, меня никто не слушал, потому что Тоби с каждым днём становился всё слабее.

И в тот раз мы, как обычно, вышли перед закатом во двор, и я думал, что мы пройдем пару кругов и вернёмся домой. Но Тоби вдруг пошёл быстрее, а потом побежал к гаражам и в проход между ними, и мы с Гариком побежали за ним. По замусоренному лабиринту, по доске через вонючий ручей – Тоби, ко мне! Тоби! – кричал я, но Тоби не останавливался. Выбежав на ту сторону, мы увидели, что Тоби повернул налево. Тоби, стой! Ко мне, Тоби! – от бега я запыхался, а Тоби не останавливался и даже не оборачивался. Порыв ветра окатил нас вонью прогорклого масла и гнилой тряпки, я закашлялся и остановился, пытаясь отдышаться. Тоби подбежал к завесе из целлофана, тряпок и рубероида и юркнул за эту завесу – прямо туда, в ведьмино логово.

Мы замерли. Тоби! – я ещё раз крикнул, и тогда мусорные стены затряслись, и откуда-то из-за них, из страшной глубины раздался низкий хриплый рык, и снова отвратительный запах ударил мне в нос. Гарик пискнул и опрометью бросился прочь, вдоль гаражей, к безопасному кругу старых ящиков и брёвен. И мне очень хотелось побежать за ним, но Тоби был там, в ведьмино логове, в трясущемся и рычащем кошмаре. Я с тоской оглянулся: солнце садилось за пустырь, и несущийся мимо серебряный поезд сверкнул в его лучах. Я повернулся обратно и непослушными, чужими ногами сделал шаг, и ещё один, поднял руку, отодвинул в сторону липкий и маслянистый целлофан и шагнул в ведьмино логово.

Только за первым листом целлофана оказался второй, и какая-то отвратительная ткань, вроде заплесневевшего пододеяльника, и лист рубероида, а потом снова целлофан, и обрывок старой афиши, и опять какое-то тряпье, и я раздвигал его руками, путался ногами, стряхивал с лица и отплёвывался, но продолжал пробираться вглубь. Вокруг что-то шипело и хлюпало, гнусная вонь становилась всё гуще, я еле сдерживал тошноту, и какая-то мерзкая тряпка облепила мне лицо, её никак не получалось стряхнуть, и я, задыхаясь, зажмурился, замахал руками и рванулся – но мои ноги запутались, я рухнул на землю, и всё закончилось.

Я открыл глаза. Перед ними оказался мягкий зелёный ковёр. Пахло лавандой, свежим печеньем и ещё так, как будто в комнате работала кварцевая лампа. Откуда-то сверху слышалось птичье чириканье. Опёршись руками о ковёр, очень мягкий и приятный на ощупь, я поднялся и огляделся.

Я сидел на полу в большой комнате с высоким потолком, таким высоким, что на самом деле комната была двухэтажной. Позади меня, с той стороны, откуда я ввалился, висел зелёный бархатный занавес. Стены рядом с ним закрывали красиво раскрашенные ширмы, а ещё

на первом этаже стоял накрытый стол с табуреткой, и рядом с ними кресло. На втором этаже закатное солнце светило в большие окна, вдоль окон шла галерея, а на деревянных перилах галереи сидели голуби. Потолок уходил ещё выше четырёхгранным сводом, и под этим сводом громко чирикали воробьи. От галереи на первый этаж спускалась лестница. На лестнице стояла высокая женщина в зелёном платье с очень длинными тёмными волосами. Через её плечо была перекинута белая сумка, кажется, из шерсти. А внизу лестницы стоял белоснежный пёс с блестящими чёрными глазами – огромный, такой большой, что рядом с ним Тоби казался маленьким щеночком. Да, рядом с ним стоял Тоби, и его хвост снова закручивался весёлым рыжим завитком с белым кончиком.

– Ты живой? – женщина в зелёном платье смотрела на меня сверху, с середины лестницы.

– Да, – неуверенно ответил я, прислушиваясь к ощущениям, – кажется, да

– Тогда почему ты здесь? – строго спросила женщина.

Я не знал, что ответить, я и сам не понимал, почему я был там – я даже не понимал, где именно я нахожусь.

– Я полез за Тоби, – сказал я.

– Тоби? – женщина опустила взгляд на рыжий завиток хвоста. – Ах, за Тоби

– Да, – я приободрился, – мы гуляли с Тоби, гуляли без поводка. Мы часто так гуляем, потому что Тоби очень умный, и Тоби побежал за гаражи, а потом он полез в логово ведьмы. Я осёкся, но женщина вдруг весело рассмеялась:

– Логово ведьмы? Ну, допустим.

Женщина в зелёном спустилась с лестницы. Рассеянно потрепав по загривку огромного белого пса, она поправила перекинутую через плечо сумку и села на пол рядом с Тоби, а он вдруг лёг перед ней и уткнулся мордой ей в колени. Женщина положила руку Тоби на голову,

– Тоби, Тоби, что же с тобой приключилось? – она закрыла глаза и замерла.

– Он заболел, – сказал я, – заболел очень сильно. Почти ничего не ест, лежит целыми днями и дрожит, я боюсь, вдруг вдруг он болен совсем-совсем?..

Женщина продолжала сидеть неподвижно, не открывая глаз, и я замолк. Из-за раскрашенной ширмы вышел коричневый пёс. Его шерсть блестела в лучах закатного солнца, падающих сквозь окна второго этажа. Пёс весело вилял обрубок хвоста, и я понял, что это тот самый пыльный хромо́й пёс – Старик из соседнего двора. Только он не выглядел ни пыльным, ни хромым, наоборот, казался молодым и здоровым. А на верхней ступеньке лестницы уселись рыжий кот и белая кошка, они внимательно смотрели вниз – на псов, на меня и на женщину в зелёном.

– Ты прав, – вдруг сказала женщина. Она открыла глаза и убрала руку с головы Тоби. – Он совсем болен. Ему очень больно, потому он и нашёл тропу ко мне.

– Но вы – я замаялся и бросил взгляд на Старика, – вы поможете ему? Он поправится?

– Да и нет, – женщина поднялась и указала на табуретку около стола. – Садись, поешь.

– Спасибо, я не голоден

– Садись, – повторила она, а огромный пёс с белоснежной шерстью глухо заворчал и шагнул ко мне.

Я понял, что у меня нет выбора, а ещё – что имбирное печенье в плетёной корзинке на столе пахнет очень вкусно. Так что я сел за стол и взял одно печенье необычной формы, похожее на птицу с двумя чёрными глазами-изюминками. Я откусил кончик крыла и принялся жевать. Огромный белый пёс сел слева от Тоби, а чудесно помолодевший Старик – справа. Сам Тоби всё так же лежал, но при этом весело подёргивал белым кончиком хвоста. Женщина в зелёном тем временем прошла по первому этажу, прикосновениями зажигая лампы на стенах. Она села в кресло и пристально смотрела на меня, пока я не съел всю имбирную птицу, а потом спросила:

– Как тебя зовут?

– Фрол. А вас?

– Ты можешь называть меня, – она на мгновение задумалась, – ну, скажем, Наина.

– Очень приятно, Наина, – вежливо сказал я. – Скажите, пожалуйста, Наина, вы ведьма?

Вы вылечите Тоби?

Наина рассмеялась и покачала головой:

– Да и нет. Да, я ведьма. Нет, я не исцелю Тоби.

– Но вы же вылечили его, – я показал на Старика. – Он был старый и больной, а теперь такой красавец!

– Он и правда красавец, – кивнула Наина. – Но я не знахарка и не коновал. Я не лечу зверей. Я их забираю, когда для них подходит время уходить.

– Уходить? – переспросил я. – То есть умирать?

Наина промолчала. Я взглянул на Тоби. Он мирно лежал между белым псом и Стариком, и выглядел он совершенно здоровым.

– Понимаете, – снова заговорил я, – мы его нашли ещё совсем щеночком, в коробке нашли, его кто-то выбросил. Я еле уговорил маму его взять, он очень сильно болел. Мы тогда пошли в ветеринарку, и они прописали лекарство, очень дорогое. Мама говорила, что у нас нет таких денег, но я очень её просил, сказал, что обойдусь без подарка на день рождения, и на новый год, и на следующий день рождения, только бы мы его вылечили. И мама правда не дарила мне подарки на день рождения, она вместо этого покупала что-нибудь для Тоби – лежанку, или праздничные собачьи консервы, или новые игрушки. И это было ещё лучше, чем если бы она для меня подарки покупала, потому что Тоби так радовался и веселился. А теперь он снова заболел, и ветеринарка больше не работает, наверное, ветеринар уехал, и я не знаю, что делать. Я даже – я осёкся, подумав, что это прозвучит глупо, но потом продолжил, – я даже старался договориться, чтобы у меня забрали годы жизни и отдали их Тоби.

– Так не выйдет, – прервала меня Наина. – Ты о таком договориться не можешь.

Она сделала ударение на ты, и поэтому я спросил:

– А кто может?

– Фрол, послушай, – Наина откинулась в кресле и покачала головой. – Чтобы отдать жизнь, именно твою Твоей жизнью торговать никто не властен, кроме тебя самого. Конечно, пока ты свою жизнь не запродай... А у тебя самого таких сил нет.

– Но у кого-то есть?

– Есть, да разве кому нужно это – торговать за Тоби свою жизнь? Кому, кроме тебя?

– А вы можете это сделать?

Наина не ответила и отвела взгляд. Я понял, что это значит да, и вскочил с табуретки:

– Пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, сделайте так! Я готов что угодно отдать. Хотите, я вам свою жизнь запродам? Всю, целиком, только пусть Тоби выздоровеет! Ну пожалуйста.

Наина покачала головой:

– Мне твоя жизнь не нужна. Детские жизни меня уже давно не прельщают. А себя тратить – она пожалала плечами. – Если я исцелю Тоби, и он выйдет на вашу сторону, мне это дорого обойдётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.